

**К ЭТИМОЛОГИИ ЗАЧИНОВ  
КИНГЕРА, ТИЛИРАМ, КИРГИЗ-ТАТАРИН И ДР.  
в детской подвижной игре типа «цепи (кованые)»**

© 2016 г.

Глеб Иванович Романий<sup>а</sup>,  
Мария Аркадьевна Ключева<sup>б, в</sup>

<sup>а</sup> Независимый исследователь, Тель-Авив, Израиль; <sup>б</sup> Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, 424000, Российская Федерация; <sup>в</sup> keymachine@yandex.ru

В статье исследуется этимология ряда асемантических зачинов русских формул-восклицаний («кричалок») в детской игре типа «цепи (кованые)». Большинство из них относится к Волго-Камскому региону. Показано, что эти зачины сформировались в значительной степени благодаря языковым контактам и заимствованиям в полиэтничном регионе. Проанализированы процессы семантизации и ресемантизации (переосмысления) при заимствовании лексических элементов игровых диалогов. Замечено, что в семантически пустых элементах игровых формул-восклицаний, в том числе десемантизированных в результате заимствования, консонантизм сильнее подвержен изменениям, чем вокализм и ритм.

**Ключевые слова:** детская речь, диалектизм, игровой фольклор, народные игры, региональная лексика, семантизация и десемантизация, языки Волго-Камья, языковые контакты

**TOWARDS THE ETYMOLOGY OF THE OPENING WORDS  
KINGERA, TILIRAM, KIRGIZ-TATARIN, ETC.  
in active children's games of the "red rover" type**

Gleb I. Romaniy<sup>а</sup>, Maria A. Klyucheva<sup>б, в</sup>

<sup>а</sup> Independent researcher, Tel-Aviv, Israel; <sup>б</sup> Mari State University, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation; <sup>в</sup> keymachine@yandex.ru

In the article the etymology of several semantically obscure opening words of Russian exclamation ("shouting") formulas in children's games of "red rover" type is examined. Most of them occur in the Volga-Kama area. It is shown that these phrases were crystallised largely due to language contact and borrowing in a multi-ethnic region. The processes of semantisation and re-semantisation (semantic adaptation), associated with the borrowing of lexical items from game dialogues, are analysed. Inter alia, it is pointed out that consonantal changes are much more characteristic of the desemantised (in particular, by borrowing into another language) exclamatory game utterances than vocalic and rhythmic changes.

**Keywords:** child language, dialectism, folk games, game folklore, languages in contact, regional vocabulary, semantisation and desemantisation, Volga-Kama languages

## 1. Введение

Данное исследование посвящено попытке установить этимологию русских зачинов игровых диалогов в детской подвижной игре типа «цепи (кованые)»<sup>1</sup>: *зингера*, *кингера*, *тилирам* (*телерам*), *киргиз-татарин*. Суть игры состоит в следующем: две команды становятся

<sup>1</sup> Игра имеет различные региональные наименования, и это название не является общепринятым. Для удобства используем его далее в качестве условного обозначения рассматриваемой игры.

шеренгами друг напротив друга на некотором расстоянии, крепко берутся за руки и по очереди вызывают из противоположной команды участников, которые с разбега пытаются разорвать цепь противника; разбивший цепь игрок забирает одного из «расцепленных» в свою команду, в противном случае сам остается в противоборствующей команде; выигрывает команда, набравшая больше участников. Выбор участника из противоположной команды сопровождается диалогом сторон, состоящим, как правило, из фиксированных фраз («кричалок») с незначительным варьированием.

Замечено, что детские игровые произносительные формулы, например слова кричалок и считалок, могут подвергаться изменениям в результате двух разнонаправленных процессов: с одной стороны, это обесмысливание (десемантизация) полнозначных слов в детской речи, с другой — сближение незначащих сегментов речи, в том числе заимствованных, со знаменательными словами языка, далее — «семантизация» (см., например, [Топорков 1998: 582—583; Романий 2015: 14]). Эти специфические для детского игрового языка факторы затрудняют установление первичной формы той или иной игровой фразы или формулы, не имеющей ранних письменных фиксаций. Самые старые письменные фиксации для игры типа «цепи» обнаруживаются лишь у этнографов и фольклористов XIX в. Все это осложняет этимологизацию подобных терминов.

В игре типа «цепи» между командами соперников происходит содержательный диалог. Этот диалог представлен множеством региональных вариантов (см. [Романий 2015: 11—12; Ключева 2014: 217—219]). В части случаев первая реплика диалога выделяется своей «асемантичностью». В данной работе нас будут интересовать следующие асемантические зачины кричалок в игре типа «цепи» (ниже приведем также их современную региональную дистрибуцию в городском узле на основе анализа упоминаний в Интернете)<sup>2</sup>:

1) **Зин-герá, (кого ерá?)** — по две фиксации в г. Шахунья Нижегородской обл. и г. Котельнич Кировской обл. Пример кричалки: *Зингера! — Кого ера? — (Того-то)*.

- (1) А у нас Зингера! — Кого ера (или яра, сама не знаю)?! — «Имя»<sup>3</sup> [опрос об игре «цепи (кованые)» в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com), 2012, автор записи из Шахуны].
- (2) А у нас любимые [игры] были прятки, стрелки (когда рисовали), зингера-кого ера? (2 команды напротив, кого-то называют и бежит прорывается) [социальная сеть «ВКонтакте» (vk.com), 2008, автор родом из Шахуны, живет в Кирове, 1961 г. р., женского пола].
- (3) А еще подвижная игра была. Название «зин-герА» или что-то в этом роде помните? Я перерыла инет в поисках такой игры, не нашла. В нее играли, когда много людей, в основном играли на верхней площади, где в те годы не было детского центра. Делились на 2 команды. Команды брались за руки и вставали напротив друг друга. Одни кричали: — Зин-герА!, другие отвечали: — Кого ера? (Странный набор слов, но мне так слышалось, может кому-то другому?) — Васю! Тогда Вася разбежался и с разбега пытался прорвать сжатые руки команды, которая его «захотела». А команда пыталась его поймать, крепче сжимая руки. Поймали — вставай в строй. Прорвался — беги. Тогда команда-ловец кидается догонять, а Вася пытается убежать к «своим», которые в свою очередь бегут ему навстречу! [форум Котельнича (Kotelnich.info/kotelok), 2007].
- (4) Я помню мы играли в зингера в 6 классе и уронили свою классную руководительницу! [социальная сеть «ВКонтакте», 2010, автор из Котельнича, 1995 г. р., женского пола].

2) **Кин-герá, (кого ерá?)** — единичные фиксации в Кировской обл.

- (5) Любимые — те игры, в которые играют все дети, независимо от пола. Например, прятки. Их я просто обожала. И такая разновидность прятка, как 12 палочек. Казаки-разбойники. Миловуха. Кингера-кого ера (в других областях её зовут цепями коваными) [форум по соционике socionica.com, 2009, автор из Кировской обл., без точного указания места, женского пола].

<sup>2</sup> Нижеперечисленные зачины выступают также как названия рассматриваемой игры в результате лексикализации игрового восклицания.

<sup>3</sup> Здесь и далее орфография и пунктуация примеров сохранены.

- (6) Про игры. Какая любимая? [Варианты]: Войнушка. Кингера-кого ера? 12 палочек. Мировуха. Казаки-разбойники [опрос на молодежном игровом форуме forum.haddan.ru, 2008, автор из Кировской обл., точное место неизвестно, женского пола].

3) **Тилира́м и телера́м, телера́м-телера́м** — многочисленные фиксации в городах Чебоксары и Новочебоксарск (Чувашия). Пример кричалки: *Телерам-телерам! — Кого вам? Кого вам? — (Того-то).*

- (7) У нас [игра] называлась «Телерам». Те, кто выбирал, кто побежит, кричали: «Телерам, телерам», другие отвечали: «Кого вам? Кого вам?». В ответ первые называли имя. Детство мое прошло в городе Чебоксары [комментарий в блоге на diary.ru, 2011, автор записи 1987 или 1988 г. р., женского пола].
- (8) А сегодня пошли гулять и, как только вышли из подъезда, были оглушены криками, раздающимися из садика напротив: «Тилирам-тилирам — Кого вам? Кого вам?» И снова на меня обрушилось детство [блог в «Живом журнале» (livejournal.com), 2010, автор из Чебоксар, 1980 г. р., женского пола].
- (9) Любимые игры: телерамм... телерам... кого вам? кого вам??.. помните? [профиль в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com), автор из Чебоксар, 1987 г. р., женского пола].
- (10) Нашим ребятам особенно нравятся чувашские народные подвижные игры «Иголка, нитка, узелок», «Утки», «Рыбки», «Тили-рам» [сайт детского сада в Чебоксарах (detsad25.dou21.ru), 22.05.2014].
- (11) Любимые игры: телерам телерам [профиль в социальной сети «ВКонтакте», автор из Новочебоксарска, 1989 г. р., мужского пола].
- (12) Произвольная программа — это чревато, нажруцца. Надо конкурсы придумать, прятки там, телерам какой-нибудь, ребусы [автофорум clublaguna.ru, 2007, автор из Новочебоксарска, мужского пола] и т. д.

Кроме вышеупомянутых асемантических зачинов рассмотрим также следующий зачин, в котором знаменательные слова, предположительно, могут быть результатом позднейшей семантизации:

4) **Киргиз-татарин** — г. Алатырь (Чувашия). Обнаружены примеры использования этого выражения в функции названия соответствующей игры (название игры образовано от соответствующего восклицания):

- (13) Дети развлекались, играя в подвижные игры: «Третий лишний», «Вышибалы», «Киргиз-татарин» и др. [сайт средней школы в Алатыре (sosh9-galat.edu.cap.ru), 2012].
- (14) Любимые игры: Киргиз-Татарин [профиль в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com), автор из Алатыря, 1988 г. р., мужского пола].
- (15) «Хали-хало, телерам... Как интересно... Эти же игры у нас назывались по-другому. «Хали-хало» — «Лили-Лили», а «телерам» назывался «Киргиз-татарин» [форум Чувашии (na-svyazi.ru), 2008, автор записи родом из Алатыря, живет в Чебоксарах, 1985 г. р., женского пола].

Этимология приведенных зачинов не становилась ранее предметом специального рассмотрения<sup>4</sup>.

## 2. Кингера́, зингера́

Игровые восклицания *кингера*, *зингера* фонетически перекликаются с аналогичными зачинами, бытующими у удмуртов в сельской местности (с. Дізьмино Ярского р-на Удмуртии [Долганова, Морозов 2002: 161—162]):

<sup>4</sup> Зачин *киргин-татарин*, сопоставимый с *киргиз-татарин*, упоминался ранее в статье М. А. Ключевой [2015: 44], однако не получил там развернутого анализа.

(16) [цепь 1]: *Кимера́ / кемерá<sup>5</sup>* (также: *Кин ярам?* или *Кенерáм* ‘мы забор поставили’ [sic]).

[цепь 2]: *Кого надо?*

Попытаемся объяснить их на удмуртской почве. Фразу *Кин ярам?* можно вольно перевести с удмуртского как ‘кто [для вас] хорош?’ или ‘кто понравился?’ — от удм. *кин* ‘кто’ и *ярам* ‘хорошо, ладно’, последнее является возгласом одобрения, а также формой прошедшего времени глагола *яраны́* ‘нравиться’<sup>6</sup>.

В обоих русских зачинах (*кингера*, *зингера*) ответной репликой является *Кого ера́ (яра́)?*, которая перекликается с удмуртским *Кин яра́?* ‘кто нравится?’, ввиду чего русск. *кого*, по-видимому, представляет собой свободный перевод удм. *кин* ‘кто’ (в результате контаминации с русским вопросом *Кого надо?* или *Кого выбираете / выбираете?*), а *ера* можно возвести к удм. *яра́* ‘нравится’, форме вышеупомянутого глагола *яраны*. Отметим, что в удмуртском этот глагол заимствован из татар. *ярагá* ‘годиться, подходить’ (-*ра* — формант инфинитива), а *ярам* коррелирует с татар. *яра́р* ‘ладно’, причем оба слова представляют собой адвербиализованную форму приведенного выше глагола: удм. *ярам* — букв. ‘(ты/он/она) понравился, -ась’ (прошедшее результативное время и страдательное причастие прошедшего времени), татар. *яра́р* — букв. ‘(он) сгодится, подойдет’ (будущее неопределенное время). Кроме того, удм. *яра* — утвердительная частица и предикатив ‘хорошо, да; можно; разрешается; ладно’ [УРС: 823].

Учитывая сказанное, можно восстановить «удмуртскую» праформу русского диалога: \**Кингера* (или *зингера*)! — *Кин яра?*, где *яра*, возможно, понималось двояко: как форма глагола *яраны* ‘нравиться’ и как предикатив ‘можно, возможно’. Фразу *Кин яра?* можно назвать удмуртской условно, поскольку она сопоставима с одной стороны, с татар. *Кем яра?* ‘кто подходит?’ (хотя реальной фиксации последнего выражения в татарских играх пока не было обнаружено), а с другой — с тюркским (точнее, татарским) *Кем кирэк?* ‘кто нужен?’, как возможная семантическая калька (неточная)<sup>7</sup>. Последнее выражение нередко фигурирует в описаниях подобных татарских игр (а также других тюркских — башкирских, казахских) в ответной реплике диалога, например:

(17) татар. *Ак тирэк! — Күк тирэк! — Сезгә бездән кем кирэк?* [блог в «Живом журнале» (livejournal.com), 2012, сообщение автора 1989 г. р. с пометой, что так кричат татары в Башкирии]. ‘Белый тополь! — Синий тополь!’<sup>8</sup> — Кто из нас вам нужен?’ (перевод наш. — Г. Р., М. К.).

<sup>5</sup> Ударения проставлены нами.

<sup>6</sup> «**ярам**, 1. частица утверд[ительная] хорошо; ладно разг.; ~, **коть тон ачид отчы вуид** хорошо, что ты сам туда успел (прийти); ~, **дорады пырало** ладно, зайду к вам 2. **положит. ф.** 3-го л. ед. ч. **неоч[евидного] прош. вр. гл. яраны; сапег солы туж** ~ сапоги ему очень понравились» [УРС: 823].

<sup>7</sup> Отметим также, что удм. *Кин ярам?* напоминает татарские фразы *Кем ярам / яры́йм?* ‘кого (я) хочу / люблю?’, букв. ‘кто мне угоден (годится)?’ (либо ‘кого я захотел?’, если *ярам* — стяжение диалектной формы прошедшего неопределенного времени *яра-ган-ым* ~ лит. *яраганмы́н*), и *Кем яра́?* ‘кого он хочет / любит?’. Однако исходя из логики игрового диалога наиболее вероятно, что вопрос, обращенный к команде противников, формулировался во 2-м лице, ввиду чего от сближения удмуртской фразы с вышеуказанными татарскими, скорее, следует отказаться.

<sup>8</sup> Слово *тирэк* ‘тополь’ употреблено в кричалке, по-видимому, для рифмовки, без какой-либо связи с сюжетом игры. Последний факт подкрепляется наблюдением, что это слово само легко переосмысливается в составе кричалок, ср. ниже казах. *ақ серек пен көк серек*, а также татар. *Алдыр чиймә тамчылы, // Гөлдөр чиймә тамчылы. // Ал кирәк, гөл кирәк, // Бездән сезгә кем кирәк?* ‘Кападет источник вроде бы алый, // Кападет источник вроде бы розовый, // Алый нужен, розовый нужен [видимо, вместо первоначального «Белый тополь, синий тополь». — Г. Р., М. К.], // Кто из нас вам нужен?» [Ягафаров 2002: 62] (перевод наш. — Г. Р., М. К.). Эпитет ‘синий’, очевидно, означает конкретный ботанический вид тополя — тополь черный, или осокорь, *Populus nigra*, ср. башк. *күк тирэк* ‘осокорь, тополь черный’ [БРС: 312], и таким образом, это название вступает в определенную «ботанико-цветовую» оппозицию с *ак тирэк* ‘тополь серебристый, или белый, *Populus alba*’ (ср. татар. *ак тирэк* ‘серебристый тополь’ [ТРС, 2: 380], башк. *ак тирэк* ‘то же’ [БРС: 616]).

- (18) башк. *Кабыр-кабыр кабырсак, // Ат башында кимерсәк. // Ак тирәк — күк тирәк // Беззән һезгә кем кәрәк?* — кричалка в игре «ак тирәк — күк тирәк» [онлайн-энциклопедия «Википедия» на башкирском (ba.wikipedia.org)]. Перевод: ‘Ракушка-ракушка, // С конскую голову [т. е. очень большой. — Г. Р., М. К.] хрящ. // Белый тополь — синий тополь // Кто из нас вам нужен?’ (перевод наш. — Г. Р., М. К.).
- (19) казах. *Ақ серек, көк серек!* (“кандалы закованы”): *Ақ серек пен көк серек! // Тауып алдым бәйтерек! // Жалындаған күн керек! // Жалпы достан кім керек? // Анау тұрған ұл керек! // Оның аты — Еркебек, // Келсін бізге ертерек!* [казахстанский родительский форум mama.kz]. Перевод (буквальный): ‘Белый длинный и синий длинный! // Я нашел большой тополь! // Нужно палящее солнце! // Кто нужен в друзья? // Нужен вон тот стоящий мальчик! // Его зовут Еркебек, // Нам как можно скорее!’ . Фиксируется также короткий вариант кричалки: *Ақ серек көк серек, бізден сізге кім керек* ‘Белый длинный, синий длинный, кто из нас вам нужен?’ (перевод наш. — Г. Р., М. К.).

Ясно, что удм. *\*Кин яра?* не является точным переводом тюрк. *Кем кирәк?*<sup>9</sup>. Поэтому можно говорить о гетерогенном, контаминационном характере удм. *\*Кин яра?*, который обусловлен многозначностью элемента *яра* в удмуртском языке. При этом значение ‘кто нравится?’ могло возникнуть и на собственно удмуртской почве, не обязательно под влиянием незасвидетельствованного в этой игре татар. *Кем яра?*

Отметим, что вышеупомянутый зачин *кенерам* происходит, по-видимому, из *Кин ярам?* в результате ресемантизации, переосмысления в связи с удм. *кенерәм*, страдательным причастием от глагола *кенераны* ‘загородить, отгородить; обнести изгородью’ [УРС: 292], то есть ‘загороженный, отгороженный’, или прошедшим результативным временем: ‘ты/он/она загородил(а), отгородил(а)’. Очевидно, такому переосмыслению способствовала соотнесенность глагола *кенераны* с игровым действием — образованием цепи, преграды, «заграждения» из рук. Зачин приобретает смысл ‘загорожено’, ‘забор готов’, учитывая перфектность (результативность) этой глагольной формы, если трактовать ее как страдательное причастие в функции предикатива. Ср. ту же глагольную форму в удмуртской реплике в диалоге той же игры: удм. *Кинлы мар луым?* [Долганова, Морозов 2002: 69, 164] от глагола *луыны* ‘быть, становиться; происходить, случаться’ [УРС: 406], букв. ‘кому что случилось?’ или в более вольном, смысловом переводе: ‘у кого что?’, ‘кому что надо?’ (при этом *кинлы*, форма дательного падежа, буквально значит ‘кому’).

Переходя к происхождению собственно формы *кингера*, можно сказать, что татар. *кем кирәк* при заимствовании в удмуртский вполне могло трансформироваться через *\*кенкеря(к)* в *кингера*<sup>10</sup> с утратой конечного глухого согласного при крике или, скорее, в результате рифмовки с последующим удм. *\*Кин яра?* Последнее допущение объясняет также *кин-* вместо *кем-* в *кингера*, а также, возможно, отражение татар. *ә* как [a]. Впрочем, [a] может объясняться отсутствием в удмуртском языке *ә* [æ], т. е. более закрытого и продвинутого вперед [a] (близкого по качеству к русск. [a] между мягкими согласными, например, в *пять*). Твердость [r] также можно увязать с отсутствием в удмуртском языке палатализованного [r]. Таким образом, фраза ‘кого надо?’ оказалась продублирована на татарском и на удмуртском, а впоследствии переведена на русский в ответной реплике-вопросе.

Формы зачина *кимера*, *кемера* могут быть десемантизированным на русско-удмуртской почве татар. *\*Кем яра?* ‘кто подходит?’, упомянутым выше; при этом исчезновение конечного [r] объяснимо рифмовкой с последующей фразой диалога — удм. *Кин яра?* или русск. *Кого*

<sup>9</sup> При этом точное семантическое соответствие тюркской фразе — удм. *кин кулэ* ‘кто нужен?’ — находим, например, в следующем игровом диалоге: «*Венья, Венья, тар-тар! — Кин кулэ?* (или *Ково кулэ?*) — *Ваня (Оля)*» (д. Кыквә Якшүр-Бодьинского р-на Удмуртии) [Долганова, Морозов 2002: 287]. *Ково кулэ?* — частично русифицированная фраза с *ково* из русск. *кого*.

<sup>10</sup> С озвончением *-мк-* / *-нк-* > *-нг-* в позиции перед гласным, предположительно, на удмуртской почве. Подобная соноризация глухих после сонорного наблюдается в удмуртских, татарских, башкирских диалектах, а также в чувашском (см. ниже) и марийском языках. Например, в среднечепецком диалекте удмуртского языка *piñ dolganə* при литературном *пинь долгань* ‘набить оскомину’ [Карпова 1998: 123].

яра (*era*)? С другой стороны, учитывая гипотетичность формы вопроса *Кем яраp?*, мы не исключаем для *кемера* возможность фонетического преобразования все того же татар. *кем кирэк*.

Таким образом, здесь мы, по-видимому, наблюдаем механизм взаимовлияния языков, находящихся в постоянном контакте в полиэтническом регионе<sup>11</sup>. Удмурты могли усвоить игровой термин от татар, издавна (с конца XVII — начала XVIII в.) проживавших на территории современной Удмуртии, в частности, в верхнем и среднем течении реки Чепцы [Пислегин, Чураков 2012: 175; Касимова 2012: 178—179], где они живут по сей день<sup>12</sup>. Это согласуется с фиксацией зачина *киме́ра* (/ *кеме́ра* / *кин яра́м?* / *кене́ра́м*) в с. Дизьмино в бассейне Чепцы.

Форма *зингера* могла возникнуть в результате семантизации бессмысленного для русскоговорящих детей восклицания *кингера* сближением с русским именем Зина или, возможно, с названием марки швейных машин «Зингер». Нуждается в объяснении появление иноязычного по происхождению зачина в Нижегородской обл. — в г. Шахунье. Шахунья основана как поселок строителей железной дороги из Нижнего Новгорода в Котельнич в 1921 г., и примечательно, что данный игровой термин зафиксирован также в Котельниче, непосредственно связанном с Шахуньей железнодорожной линией. Можно предположить, что термин был интродуцирован при заселении города выходцами из сопредельной Кировской обл., где проживают татары, удмурты, мари.

Далее, любопытным представляется созвучие русск.-удм. *кемера* с начальным элементом *камыр* (букв. 'тесто') в татарской кричалке: *Камыр-камчылык. — Камыр башы тимчелек. — Ахирәткә кем кирәк? — Гөлкәй матур, шул кирәк* 'Тесто-плетка. — На тесте [далее неясное (вероятно, асемантическое) слово. — Г. Р., М. К.]. — Кто нужен в друзья? — Гулькай красивая, вот она и нужна' [Ягафаров 2002: 62] (перевод наш. — Г. Р., М. К.). С другой стороны, ср. созвучный башкирский зачин *Кабыр-кабыр кабырсак при кабырсак* 'ракушка', а также хакасский *Табыл-тубыл хамчылыг, // Табылгат пазы нинчилиг...* 'Табыл-тубыл [sic] с бичом, // Верхушка таволожника [название растения, *Filipendula ulmaria*. — Г. Р., М. К.] с бисером' [Бутанаев, Верник 1995: 16] (перевод авторов книги). *Камыр* могло бы возникнуть, например, из *кабыр* индукцией со стороны русск.-удм. *кемера*. Впрочем, это созвучие может быть и случайным совпадением — особенно ввиду акцентуационных различий между татарским и русско-удмуртским зачином.

Сравнение разных тюркских кричалок показывает, что дети сохраняют ритм произносительной формулы, но при этом могут весьма вольно изменять слова внутри нее, что выражается прежде всего в вариативности консонантизма, ср. первое слово кричалок на разных тюркских языках: татар. *камыр*, башк. *кабыр*, хакас. *табыл* (при этом последние два слова асемантические). В русском игровом фольклоре тоже имеются примеры подобной вариативности, к примеру, региональная терминология в игре «камень, ножницы, бумага», а именно возглас, которым предвеляют «скидывание» на пальцах. Ряд таких региональных формул обнаруживают единство вокализма при варьировании консонантизма, ср. *у-е-фа, цу-е-фа, су-е-фа, цу-дэ-фа, бу-цэ/ы-фа, гу-ли-фа, су-ли-фа* (сохранность консонантизма последнего слога, очевидно, связана с его особой игровой функцией — сигнала к игровому действию) и *пи-ни-ко, чи-чи-ко, чи-фи-фо, ви-зи-го, (в)ин-дэ(р)-кок* [Романий 2013: 14—15]. Примером консонантной вариации *in statu nascendi*, по-видимому, является региональное восклицание при игре в прятки (и переносно: название игры в прятки) с параллельными формами *стука́ли-па́ли* и *стука́ли-ба́ли*<sup>13</sup> [Там же: 16]. Второй вариант, судя по анализу узуса в Интернете, встречается у более молодых людей<sup>14</sup>. Этот пример иллюстрирует возникновение

<sup>11</sup> Помимо удмуртов и русских в Удмуртии проживают также татары и мари, причем значительная часть удмуртов и мари традиционно являлись трилингвами — кроме родного языка многие владели русским и татарским.

<sup>12</sup> Современные Базезинский, Глазовский, Юкаменский и Ярский районы Удмуртии [Касимова 2012: 179].

<sup>13</sup> Одновременно обе формы наблюдаются в Запорожье (на основании анализа сетевого узуса).

<sup>14</sup> Ср. «Любимые игры: стукали-бали, даганялки, краски» [профиль в соцсети «ВКонтакте», автор из Запорожья, 2000 г. р., женского пола]; «[В какие игры вы играли в детстве?] Стукали-бали за себя,

вариации в результате деэтимологизации, являющейся частным случаем десемантизации: *стукали-пали* происходит, в конечном счете, от *пáлка-стукáлка* — палочка, которой касаются условленного места (бьют), когда кого-то находят<sup>15</sup>; со временем в игре перестали использовать палку, а стали бить ладонью, и связь со словом *палка* была утрачена. Подчеркнем, что в последних примерах консонантные вариации наблюдаются именно в формулах-восклицаниях. Очевидно, при «кричании» или громком произнесении нараспев особое значение приобретают вокализм — вокалический «каркас» произносимой фразы — и ритм.

### 3. Тилира́м, телера́м

На базе чувашского языка данный зачин можно было бы связать с созвучным чувашским глаголом *ти́лёр* ‘то же, что *ти́лмёр*’ [СЧЯ, 14: 37]<sup>16</sup>, т. е. ‘умолять, просить убедительно’ [Там же: 38], но не удастся найти похожую на *тилирам* / *телерам* форму глагола, релевантную в контексте игрового диалога — т. е. ‘я прошу / попрошу / хочу попросить’ или ‘мы просим’ и т. п. Наиболее фонетически близкая форма — *ти́лёртём* ‘я попросил’ (прошедшее определенное время). Однако последующее фонетическое искажение предполагает десемантизацию, а десемантизация слова, мотивированного на собственно чувашской почве контекстом игрового диалога, маловероятна. Эта версия не лишена и семантической «натяжки»: значение ‘умолять’ слишком маркировано для данной игровой ситуации.

Звуковой облик рассматриваемого игрового термина с нарушением сингармонизма гласных (наличие одновременно гласных переднего и заднего ряда) наводит на мысль о заимствовании. Близкая форма обнаруживается в татарском: *теләрем*, диалектное 1-е л. ед. ч. будущего неопределенного времени от глагола *теләргә* ‘хотеть, желать’ (при литературном *теләрийн*). Можно предположить, что из татарского было взято первое слово игровой реплики ‘я желаю того-то’. Преобразование ударного исхода слова *-рем* в *-рам* в таком случае могло произойти вследствие рифмовки с ответной репликой на русском: *Кого вам? Кого вам?*, на почве русского языка или в условиях русско-чувашской макаронической, гибридной, речи (на макароничный характер термина указывает и нарушение сингармонизма).

Также обращает на себя внимание созвучие *телерам* с *кенерам*. Однако эти зачины фиксируются довольно далеко друг от друга географически — в Чувашии и на севере Удмуртии соответственно, что препятствует их сопоставлению.

*Телерам* можно также возвести к татар. \**Кем ярам?* ‘кто подходит?’, учитывая ритмико-вокалическое сходство этих фраз и при допущении ассимилятивно-диссимилятивных (*м-р-р > м-р-м*) и адаптационных изменений консонантизма. Начальный согласный в *телерам*, *тилирам* может быть обусловлен влиянием собственно чувашских образований звукоподражательного характера типа *тил-тил* ‘подражание игре на скрипке?’, *тиллит-тиллит тил хўри*, *тил хўри мар* — *хёр хўри* «так поют дети, иногда приплясывая», д. Тимирзёкасы Аликовского р-на Чувашии [СЧЯ, 14: 36—38], букв. ‘*Тиллит-тиллит*, не лисий хвост, а девичий хвост (т. е. волосы)’. Последняя приговорка, очевидно, основана на созвучии с *ти́лэ*, *тил* ‘лиса, лисий’. Ср. также русские диалектные звукоподражания: *ти-ли-ли* (песне) и *тили́и* (цепам при молотье), Новгородская губ.; *тили́лика* ‘пиликанье’, Одесская обл. [СРНГ, 44: 122].

борьща» [сайт вопросов и ответов «Спрашивай.ру» (sprashivai.ru), 2013, автор записи из Запорожья, 1995 г. р., мужского пола] и, с другой стороны, «Ой, девочки, а еще за играми скучаю... Прятки, “борщ”... Артек (саджа). Стукали-пали за себя» [женский форум Запорожья (ladies.zp.ua), 2010, автор ок. 1990 г. р.]; «[А что вы кричали, когда играли в прятки и кого-нить находили?] Стукали-пали» [опрос в соцсети «ВКонтакте», 2008, автор родом из Запорожья (живет в Москве), 1986 г. р., мужского пола].

<sup>15</sup> Ср. диал. *пáлочка-стукáлочка* «палочка, которую при игре в прятки забрасывали как можно дальше. Водящий должен был ее принести, испачкать спрятавшихся и стучать этой палочкой каждый раз, когда он кого-нибудь найдет»: новгородское (1904), иркутское, а также в *палочку-стукáлочку играть* ‘играть в прятки’, Угличский р-н Ярославской обл. (1990) [СРНГ, 42: 80].

<sup>16</sup> Приведен пример употребления из чувашской песни.

#### 4. Киргиз-татарин

Этот игровой термин, очевидно, генетически связан со следующими кричалками: *Кыргён-кыргён-татарин* // *йыргён-йыргён-татарин, кого (любишь, выбирай!)* (д. Малые Параты Волжского р-на Марий Эл), *Киргйн-киргйн-татарин!* (д. Малое Иваново Волжского р-на) [Ключева 2014: 218]; *Киргйм-киргйм-татарин!* — *Кõ кӱлеш?* ('кто нужен?') — *Миклай кӱлеш* ('Миклай нужен') (в устном сообщении выходца из д. Малое Иваново, 1965 г. р.) и *Диргин-диргин-татарин!* (д. Кукшенёры Волжского р-на, информант 1960 г. р.) [из личного архива М. А. Ключевой]. По нашим же данным, игра с подобным зачином была известна и в других населенных пунктах Волжского р-на, в частности, в д. Березники (информант 1948 г. р.) и с. Обшяйры (информант 1961 г. р.), но точно воспроизвести игровой зачин информанты затруднились.

Надо полагать, *киргиз* является переосмыслением неясного для носителей русского языка *киргин*, и такому переосмыслению как этнонима, несомненно, благоприятствовало наличие другого этнонима во второй части. Уроженцы разных деревень Волжского р-на республики Марий Эл (1927, 1948, 1960, 1961 и 1965 г. р.), от которых были записаны рассказы об игре, никак не объясняли значение первого слова зачина даже на уровне предположений<sup>17</sup>. Очевидно, для них оно является немотивированным и асемантическим. На асемантичность указывают также фонетические колебания в слове: *киргим*, *киргин*, *кырген*, *йырген*, *диргин*.

Рассмотрим прежде всего фонетические варианты первого элемента зачина. Колебания начального согласного *к- / й- / д-* сводятся к *к- / й-* (> *д*'), поскольку переход *й > д'* в начале слова типичен для марийских говоров, в том числе волжского (далее волж.), где фиксируются все соответствующие кричалки, ср. лит. марийск. *йӱр* 'дождь' ~ волж. *д'ур*, лит. марийск. *йолазай* 'лентяй' ~ волж. *д'олагай*, лит. марийск. *йӱштӧ* 'холодно' ~ волж. *д'ӱгыштӧ*, лит. марийск. *ен* 'человек' ~ волж. *д'ын* [Иванов 1981: 45]. Отметим, что форма на *д-* отличается от остальных акцентуационно и можно предположить здесь вторичный сдвиг ударения: *\*диргйн-диргйн > диргин-диргин*. Отметим также, что формы с [и] во втором слоге (*диргйн-*, *киргйн-*, *киргйм-*) неорганичны для марийского языка по вокализму, поскольку звук [и] в марийском не встречается ни в заударном слоге, ни в суффиксах [Грузов 1965: 86, 136—137] (исключение — кильмэзский говор восточного наречия [Иванов 1981: 64]). При этом зачины *кырген-* и *йырген-* едва ли первичны по отношению к вариантам с огласовой [и], поскольку для волжского говора переход *ы > и* не характерен. Напротив, типична редукция этимологического и литературного [и], например: волж. *ымны* при лит. марийск. *имне* 'лошадь', *кыт* ~ лит. марийск. *кид* 'рука', *кышкы* ~ лит. марийск. *кйшке* 'змея' [Грузов 1960: 16]. Следует отметить, что в марийском языке звук, обозначаемый как «ы», отличается от русского [ы] и является редуцированным гласным заднего ряда (типа русских заударных [ъ] на месте «о» в слове *золото*).

Этноним *татарин* в кричалке не является исконно марийским и не характерен для марийского языка, по крайней мере, для волжского говора (ср. марийск., в т. ч. волж., *суяс* 'татарин', хотя форма *татӱр* 'татарин' в марийском также фиксируется [СМЯ, 7: 62], а мари Пермского края (сылвенские) называют татар *тотӱр*). *Татарин* не совпадает ни с чувашской, ни с татарской формой этнонима (чуваш. *тутар* [тудӱр]<sup>18</sup>, татар. *татӱр*) и является, таким образом, бесспорным русизмом или, вероятнее, русификацией. Явно нерусский первый элемент кричалки и русское продолжение реплики — *Кого любишь, выбирай! / Кого?* (д. Малые Параты) указывают на макаронический характер диалога (отметим, что есть и вариант диалога с марийским продолжением — см. выше у информанта из д. Малое Иваново). В свете сказанного есть две возможности:

<sup>17</sup> Лишь самый образованный из наших информантов, работающий в МарГУ (родом из д. Малое Иваново), предположил относительно своего зачина: «наверное, что-то татарское».

<sup>18</sup> Чувашскому языку свойственно озвончение глухих согласных между гласными и после сонорных перед гласными.

1) рассматриваемый зачин двуязычен: второе слово в нем русское (этноним), а первое — не русское и, по-видимому, не марийское (ввиду вышеупомянутой асемантической для носителей марийского языка);

2) второй элемент зачина — *татарин*, так же как и первый, восходит к какому-то иноязычному (например, тюркскому) слову, созвучному русскому *татарин*, и при переходе в марийский произошла его ресемантизация в связи с заимствованной из русского (т. е., опять же, макаронической) формой этнонима. Рассмотрим каждую из этих гипотез.

#### 4.1. Гипотеза 1

Любопытно созвучие первого элемента кричалки с татар. *кергэн* ‘он зашел, пришел’ (форма прошедшего неопределенного времени от глагола *керергэ* ‘входить, заходить’). Тогда исследуемая фраза могла бы означать ‘Пришел татарин’. Предположим, «татарин» — название персонажа. Но в играх этого типа — марийских, чувашских, русских — персонаж «татарин» не обнаруживается, равно как и в хороводных играх, которые типологически могли предшествовать игре с двумя шеренгами. Единственное косвенное свидетельство в пользу такого толкования (на материале игровых культур Волго-Камья) — реплики с упоминанием слова *татár* ‘татарин’ (удм.) в удмуртской игре, в которой «противостояли друг другу партии жениха и невесты, принадлежащие к разным родам», что указывает, по предположению Л. Н. Долгановой и И. А. Морозова, на смешанные браки [Долганова, Морозов 2002: 354]. Однако интерпретация этого *татар* как изначального этнонима в удмуртских кричалках в игре, аналогичной «цепям (кованым)», вызывает сомнения ввиду наличия близких форм кричалок без *татар*, причем в тех же населенных пунктах: *татарбылин* и *блин-та-та* (д. Вóрца Ярского р-на, деревни Верхняя Кúзьма и Жаба Глазовского р-на Удмуртии) [Там же: 161, 286], ср. также *блинта-тутай*, *мынта-тутай*, *минто-туту* (д. Алексеево Глазовского р-на) [Там же: 286].

Можно допустить, что «татарин» — переносное, метафорическое обозначение чужака, враждебного элемента, представленного в лице персонажа жениха, умыкающего девушку. Ср. любопытную параллель *татárка*: «в свадебном обряде — эпитет ближайшей подружки невесты. Жених кладет серебро и девки отдают ему невесту, а он угощает их водкой! Присутствующие кричат: наши девки татарки пропили Прасковью за чарки» (Смоленская губ., 1914) [СРНГ, 43: 304]. Однако реконструкция формы зачина \**Кергэн татарин* сопряжена с фонетическими затруднениями: марийск. *ы* первого слога не может быть непосредственным отражением татар. *е* или результатом его редукции, а татар. *ә* [æ] второго слога должно было дать [а], а не [е] в луговом наречии марийского языка, к которому относится и волжский говор [Грузов 1969: 99], ср. татар. *әрдәнэ* ‘поленица’ > марийск. луг. *артанá* ‘то же’, татар. *нэстэ* ‘вещь, предмет’ > марийск. *настá* ‘то же’ и др.

С другой стороны, если *татарин* в зачине — этноним, то первый элемент кричалки может представлять собой какое-либо определение упоминаемого в игре татарина. Фонетически и семантически подходящим представляется сопоставление с татар. *кыргый* ‘дикий; варвар’ [ТРС, 1: 701]. Двуязычное «дикий татарин» выступает в игре как обращение-дразнилка к команде противников и указывает на воинственный характер игры<sup>19</sup>. Конечное *-н* в марийских кричалках можно объяснить уподоблением первого слова зачина второму по ауслауту. Татар. *кыргый* имеет тюркскую этимологию, см. [ЭСТЯ, 6: 226—228]<sup>20</sup>.

Фиксация татарско-русской макаронической кричалки в марийских деревнях и в г. Алатырь (Чувашия), причем дистантно — не в соседних районах — указывает, скорее всего,

<sup>19</sup> О воинственном характере рассматриваемой игры свидетельствуют и обнаруженные нами в Интернете зачины кричалок *король-король*, *подай солдата* (г. Синельниково, Украина) [Романий 2015: 12] и *царь царю подай солдата* (единичная фиксация на востоке Украины, без точного указания места).

<sup>20</sup> Заметим, что в марийском есть собственное слово *ир* (марийск. луг.), *хир* (марийск. гор.) ‘дикий’, являющееся заимствованием из чуваш. *хир* ‘то же’, родственного татарскому *кыргый* [Там же].

на то, что у них есть общий источник. Обращение «дикий татарин» в играх юношей могло иметь место, к примеру, в традиционных кулачных боях между русскими и татарами в Казани (в XIX в.). «Бойцы, выстроившись в две стены, одна против другой, на порядочном расстоянии, долго стояли в бездействии, и только одни мальчишки выскакивали с обеих сторон на нейтральную середину и бились между собою, подстрекаемые насмешками или похвалами взрослых», — так описывает начало боев, проходивших в Казани на озере Кабан в начале XIX в. русский писатель С. Т. Аксаков [2014: 7]. «Бездействуя», противники могли обмениваться выкриками, дразня и подзадоривая друг друга. Обращение русских к татарам с использованием татарского слова — *кыргый* ‘дикий; варвар, изувер’ — представляется в данной игровой ситуации вполне прагматичным, ведь дразнилка должна быть понятной тому, к кому обращения.

Рассмотрим фонетическую сторону этой версии. В марийском имеем *киргин-*, *киргим-*, *диргин-*, но татар. *ы* в марийском через *и* не отражается (см., например, [Дыбо, Норманская 2013: 11]). Это можно объяснить русским посредством при заимствовании татарского слова *кыргый* в марийский. Для русского языка сочетание *-кы-* не характерно, ср. тюрк. *кыргыз* > русск. *киргиз*. При этом варианты *кырген-* и *йырген-* могут быть вторичными по вокализму анлаута и отражать в первом слоге редукцию *и*, характерную для волжского говора (см. выше). Таким образом, русск.-татар. (макароническое) *\*кыргый-тата́рин* > русск. *\*киргин-тата́рин*, откуда далее, с одной стороны, семантизация в *киргиз-татарин* в Алатыре, с другой — марийское фонетическое *\*кыргын-татарин* > *кыргён-кыргён-татарин* — возможно, сближением асемантического слова с марийскими деепричастиями на *-ен* и далее — с образованиями типа *тöргён-тöргён* ‘галопом, вскачь’ [МРС: 206], *шогён-шогён* ‘останавливаясь время от времени, долго простояв’ [СМЯ, 9: 177], *вучён-вучён* ‘от долгого ожидания, после долгого ожидания’ [Там же, 1: 315] и т. п., полученными редупликацией деепричастий (от глаголов *тöргаш* ‘скакать’, *шогаш* ‘стоять’, *вучаш* ‘ждать’ соответственно). Редупликация служит в этих случаях для выражения интенсивного, длительного или повторяющегося действия. Марийский «й-вариант» может объясняться спонтанным фонетическим упрощением формулы при крике (с последующей йотовой протезой).

## 4.2. Гипотеза 2

Аргументы в пользу того, что *татарин* — не русское, а ресемантизированное тюркское слово, можно найти в чувашском игровом фольклоре. Элемент *татарин* созвучен с чуваш. *тетерина* в следующей кричалке (точнее, «припевке») в игре, аналогичной «цепям (кованым)»:

- (20) *Тетерина, тетерина, // Сенеру, сенеру, // Чипер акай, Марус акай, // В(ы)ляма кил, в(ы)ляма кил!* ‘(...) Пригожая сестрица, сестрица Марусь, // Иди (приходи) играть, иди играть!’ (д. Альмёнь-Сунáры Вурна́рского р-на Чувашии) [Лаврентьева, Яковлева 2012: 20].

Этой припевке созвучна другая:

- (21) *Чечче, чечче, чеччерина // Синерук, Пинерук.* [асемантические слова; возможно, женские имена; ср. [СЧЯ, 9: 216; 11: 149]. — Г. Р., М. К.] // *Ах, аппа́сáм, Нинай аппа, // В(ы)ляма кил, кулма кил!* ‘Ах, сестричка, сестра Нина, // Приходи играть, приходи смеяться!’ (с. Норва́ш-Шига́ли Ба́тыревского р-на Чувашии) [Лаврентьева, Яковлева 2012: 17] (без описания игры, в которой употребляется припевка).

Слова *ака́й* и *аппа́* (с уменьшительно-ласкательной притяжательной формой 1-го лица ед. ч. *аппа́сáм* ‘моя сестричка’) в этих формулах являются синонимами. Вообще говоря, это термины родства, которые могут называть одновременно старшую сестру человека и младшую сестру мамы или отца того же человека (тетю). Такая «полисемия» характерна и для других языков Среднего Поволжья и Приуралья (так называемые языки Волжско-Камского

языкового союза, или, сокращенно, языки Волго-Камья)<sup>21</sup>. В процитированных кричалках, по всей видимости, представлено более общее, переносное значение, ср.: «В песнях молодежи “аппа” вообще означает девушку» [СЧЯ, 1: 289]<sup>22</sup>.

Очевидна связь *тетерина* ~ *чеччерина* ~ *чечче* в этих кричалках. Элементу *чечче*, в свою очередь, созвучны зачины других чувашских кричалок-припевок: *ким чечек, ким чечек* (д. Чирш-Сирма́ Урма́рского р-на, д. Кинёры Козловского р-на Чувашии) [Лаврентьева, Яковлева 2012: 26—28] (с описанием игры, аналогичной «цепям (кованым)»); *кёңчеçём, кёңчеçём* (с. Янтиково Янтиковского р-на Чувашии) [Там же: 17—18]; *кинчёрсем, кинчёрсем* (д. Ситмиши Урмарского р-на Чувашии) [Там же: 19]. В то время как *чечче* и *чечек* совпадают по форме с чувашскими знаменательными словами ‘цветок; игрушка; оспа’ [СЧЯ, 15: 181] и ‘цветок; оспа’ [Там же: 177, 179] соответственно, элемент *ким* асемантичен. Зачины *ким чечек, кёңчеçём, кинчёрсем* демонстрируют вариативность, затрагивающую преимущественно консонантизм, с сохранением ритма, подобно вышеописанным примерам с зачином *камыр* и др. Эти примеры показывают, что консонантизм десемантизированных или асемантических элементов игровых восклицаний сильнее подвержен изменениям, чем вокализм и ритм. В чувашских зачинах такая вариативность, вероятно, свидетельствует о семантической пустоте, асемантичности этой фразы для говорящих по-чувашски. *Ким чечёк* ритмически и вокалически напоминает *камчылык* в приведенной выше кричалке на татарском. С другой стороны, не исключено, что *ким чечек* восходит к татар. *кем кирэк*, с последующим переосмыслением в связи с чувашским словом *чечек*. Примечательно, что чувашский семантический «дублет» татарской фразы — *кам кирлэ* — используется в финале той же кричалки-припевки: *...Пире кирлэ, кам кирлэ?* (‘Нам нужен, кто нужен?’) / *Лена ятлă хёр кирлэ!* (‘Девушка по имени Лена нужна!’) [Лаврентьева, Яковлева 2012: 26] (перевод наш. — Г. Р., М. К.). В зачине *кёңчеçём* можно выделить ласкательную форму посессивного аффикса 1-го лица ед. ч. -çём (см. ее же в *аппаçым* в примере (21))<sup>23</sup>, и, предположительно, это результат вторичного сближения (семантизации) с чувашскими языческими женскими (!) именами *Кёңечей*, *Кёмшей* [СЧЯ, 7: 255, 257], которые, в свою очередь, сравниваются с татар. *кинжэ* ‘последыш, последний ребенок у родителей’, мужским и женским личным именем [Федотов 1998] (ср. отсюда также татарское мужское имя *Кинжэкай*). Зачин *кинчёрсем*, возможно, представляет собой переосмысление в связи с топонимом *Кинчёр*, названием двух деревень в Чувашии (*Сўлти Кинчер* ‘Верхний Кинчер’ и *Сёне Кинчер* ‘Новый Кинчер’), тем более что в другой кричалке (с созвучным зачином) упоминается *Кинчер*: *Кёңчеçём, кёңчеçём, / Кинчер хули пёр кули*, букв. ‘Город Кинчер, один смех (смех, да и только?)’; слово «город», возможно, употреблено не без иронии. Тогда *кинчер-сем* ‘кинчерцы’ аналогично по образованию *Шупашкар-сем* ‘чебоксарцы’ (с формантом мн. ч. -сем)<sup>24</sup>.

Форму *тетерина* можно далее сопоставить с чуваш. *тетте* ‘красивый, яркий, разукрашенный’ (с пометой «дет.», т. е. «слово детской речи»!), ‘игрушка; украшение’, разг.

<sup>21</sup> Это марийский, мордовский, удмуртский, коми, чувашский, татарский, башкирский языки. Ср., например, марийск. *акá* ‘старшая сестра; младшая тетка по матери и отцу’ [СМЯ, 1: 53], татар. *aná* ‘старшая сестра; тетя’ [TPC, 1: 110], чуваш. *аппá* ‘старшая сестра; старшая сестра отца; сестра отца или матери, которая старше лица, в отношении к которому рассматривается родство; сестра отцовской матери’ [СЧЯ, 1: 287—288].

<sup>22</sup> Аналогично употребляется чуваш. *акка́* — «в песнях вообще означает девушек»: *Сарă аккасем лайăх ħуп* [в современной орфографии: *чуп*. — Г. Р., М. К.] *тума* ‘Русых девушек хорошо целовать’ [СЧЯ, 1: 97], а более широко может означать вообще женщин из родной деревни (кроме дочерей собственных сватов и старших сестер / старших теток родителей), ср.: *Акка! ёне пăрулама выртнă кевелёк парса йар-ха мана* ‘Тетенька! (или: сестрица!) Корова хочет телиться, дай-ка мне закваски для квашенья молока. (Так обратилась женщина к жене соседа.)’ [Там же] (перевод составителей словаря).

<sup>23</sup> Различие гласных в аффиксе обусловлено сингармонизмом по ряду гласных.

<sup>24</sup> Выражаем благодарность Александру Владиславовичу Савельеву за помощь в интерпретации зачина *кинчёрсем* и некоторые другие пояснения, касающиеся чувашского языка.

‘безделушка; побрякушка, безделица’ [ЧРС: 467], *теттэ* (*теттү*) и *чеччэ* ‘игрушка; хорошая красивая вещь, вещичка’ (также детское) [СЧЯ, 13: 313; 15: 181]. Любопытно, что последний вариант фонетически созвучен *чечэк* с вариантом *чеч(ч)е* ‘цветок’. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в других языках Волго-Камья значения ‘красивый’, ‘красивая вещичка, игрушка’ и ‘цветок’ также выражаются одним похожим словом или вариантами одного слова, ср. татар. *тәтү* ‘нарядный, красивый, яркий, цветастый; разукрашенный; чистенький; хорошенький’ (детское) [ТРС, 2: 347], *тәтү*, диал. *тәтэй* ‘игрушка; безделушка, побрякушка, погремушка и т. п. (для игры детей)’ [Там же], диал. *тәтэй* ‘цветок, цветочек’ [Там же], марийск. *тамá* ‘хороший, красивый, приятный’ (детское), ‘детская игрушка’ (детское) [СМЯ, 7: 62], марийск. вост. *тáма* ‘красивая вещь, цацка’: *Ой, тáма* ‘Ой красиво(е)’ [Вершинин 2011: 554], *тамáй*, *тáтáй* ‘игрушка’ (детское) [Там же], марийск. *чачá* ‘игрушка; вещь, служащая для игры; цветок’ (детское) [СМЯ, 8: 334], удм. *чачá* ‘игрушка’; ‘цветочек’ (детское) [УРС: 722], марийск. гор. *цáцá* ‘игрушка; вещь, служащая для игры; красивая вещь, что-л. красивое’ (детское), ‘красивый, нарядный’ (детское) [СМЯ, 8: 334], марийск. сев.-зап. *цáцá* ‘цветок; игрушка’ (детское) [Иванов, Тужаров 1971: 258], мордов. *цáцá* ‘цветок’ и др.<sup>25</sup> Можно сказать, что рассматриваемая лексема (или лексема) характеризуется общерегиональным распространением в автохтонных языках.

Итак, элемент кричалки *тетерина* можно связать с чувашским словом *теттэ* ‘красивый; игрушка; красивая, хорошая вещь’. Эта этимологическая гипотеза семантически укладывается в общую «женскую» тематику кричалок, ср. особенно эпитет *чипэр* ‘прекрасная’, а также женские имена *Синерук* и *Пинерук*; сами кричалки представляют собой игровое обращение к девушке. Русское продолжение кричалки из Марий Эл — *Кого любишь, выбирай!* — вполне согласуется с предполагаемой семантикой элемента *тетерина* / *чеччерина*. Очевидно, частью игрового действия был выбор нравящегося участника противоположного пола. Возможно, речь шла даже об игре в сватовство или свадьбу, как в современном варианте игры в «цепи» под названием «бояре, (а мы к вам пришли)» [Романий 2015: 11, 13].

<sup>25</sup> Согласно В. И. Лыткину и Е. С. Гуляеву, финно-угорские слова из этого ряда восходят к общеперм. \*č'ač'a. Предполагается заимствование из русского (*цаца*), а также связь с венг. *csecse*, *csécs* ‘игрушка’ [КЭС: 303]. С одной стороны, возникает соблазн объединить все эти слова финно-угорских и тюркских языков и говорить о конвергенции этих неродственных языковых групп в Волго-Камье на определенном этапе их развития. С другой стороны, вариация *т / ч*, например, в рассматриваемых выше чувашских словах может быть результатом контаминации первоначально разных корней. Так, слово в значении ‘цветок’, по-видимому, имело *ч-* в тюркском, ср. др.-тюрк. *čēčāk* ‘цветок; соцветие, метелка’ [ДТС: 143] при чуваш. *чечэк*, татар. *чачák* ‘то же’, и далее допустимо сближение с татар. *чачák* ‘бахрома; кисточка’ и *чач* ‘волос, волосок’, др.-тюрк. *sač* ‘волосы’ [Там же: 479], ср. монг. *сэчэг*, *чэчэг* ‘цветок’ и ‘бахрома’, т. е. в обоих значениях [Ахметьянов 2001: 230, 232], а также чуваш. диал. *чечэк* ‘бахрома; кисть’ [ЧРС: 588] (варьирование *ч / с* в начале слова, очевидно, имеет ассимилятивно-диссимилятивный характер). При этом чуваш. *чеч(ч)е* ‘цветок’ и ‘игрушка’ может быть уже результатом морфосемантической контаминации *чечек* ‘цветок’ и *тетте* ‘игрушка; красивый’. У других форм, например татар. диал. *тәтэй*, марийск., удм. *чача*, значение ‘цветок, цветочек’ можно вывести как специализацию из более общего ‘нечто красивое, красивая вещица’. Исходным значением, таким образом, могло быть ‘нечто приятное, хорошее, вызывающее радость, умиление’, и можно говорить о производном от глоссоаллического корня. Так, Р. Г. Ахметьянов возводит татар. *тәти* ‘красивые игрушки; красивый’ к «междометию, выражающему восхищение» \**эмтә-тә* [Ахметьянов 2001: 197]. Если для финно-угорских форм на *ч-* (*ч-*) и можно принять древнее, «общепермское», происхождение, то такая форма на *т-*, как марийск. вост. *тáтáй* ‘игрушка’, возможно, заимствована из татар. или башк. *тәтэй* ‘то же’ [Исанбаев 1989: 150]. М. Р. Федотов считает марийск. *чачá* ‘игрушка’ заимствованием из чуваш. *теттэ* ‘то же’, ср. сходное фонетическое соответствие в другом детском слове, которое он приводит: чуваш. *тытáа* > марийск. *чанá* ‘ножка’ [Федотов 1990: 74] (ср. марийск. гор. *ты́на* ‘то же’ [СМЯ, 8: 307]), а с другой стороны, тот же автор считает чуваш. диал. (сунды́рский говор) *чечче* ‘игрушка’ марийским словом и сопоставляет его (как предположительное заимствование) с марийск. гор. *цáцá* ‘все красивое, яркое’ (детское) [Федотов 1990: 317], что свидетельствует о сложности вопроса взаимоотношений между рассматриваемыми словами.

В русском игровом фольклоре возможным сюжетным прототипом игр типа «цепи (кованые)» и «бояре» является народная игровая песня «А мы просо сеяли», в которой, согласно Н. П. Колпаковой, изображен момент мены невесты: конечный смысл игры в том, что «за определенный выкуп то девушка, то парень переходят в состав другого рода» — другого хоровода («в нашем полку прибыло... в нашем полку убыло») [Колпакова 1958: 75]. В варианте игры, рассматриваемом в настоящей работе, возможно, отражен такой старый, «пережиточный» способ приобретения невесты и заключения брака, как похищение, а переход играющих из одной шеренги в другую означает тот же переход в состав другого рода [Христолюбова и др. 1993: 217]. Ср. еще мотив захода девушки в воду, перехода через реку как элемент традиционной брачной символики в зафиксированном в Удмуртии игровом диалоге: *Жиксья-Монья тур! — Кинлы мар луэм? — Со чебёр нылды вуэ колйськем!*<sup>26</sup> (д. Курёгово Малопургинского р-на); последняя реплика означает: «Эта ваша красивая девушка ступает в воду!» [Долганова, Морозов 2002: 354] (перевод авторов).

Мотив красоты как критерия выбора участницы (участника) присутствует в некоторых других игровых диалогах, ср. вышеприведенное татар. *Гөлкәй матур, шул кирәк* «Гулькай красивая, вот она и нужна». Метафорическое указание на красоту участника содержится также в кричалке *Золотой-молодой!* (на русском языке) в этой же игре (д. Энормучаш Советского р-на Марий Эл [из личного архива М. А. Ключевой]).

Формы *тетерина* и *чеччерина* могли бы быть производными от *тет(м)е / чечче* — детских слов позитивной оценки. Морфологически подобные образования, возможно, представлены в следующей чувашской загадке: *Акарин те макарин* (или *акарин та пакарин*), *ыран-пайан килмесен үкетӗп те вилетӗп* «...если ты не придешь сегодня или завтра, то я упаду и умру, [т. е.] осыплюсь» (отгадка: ячмень) [СЧЯ, 1: 88]. *Акарин* приводится с пометой «неизвестное слово, встречающееся в загадках». Предположительно, здесь может быть тот же суффикс, что в чуваш. *тӗрлӗрӗн* «всякий, разнообразный» при *тӗрлӗ* «то же». С другой стороны, ср. *Макарин*, мужское личное имя: «Макарий или Марк» [СЧЯ, 8: 170]. Однако формы *тетерина*, *чеччерина*, производные от *тет(м)е / чечче*, в чувашском языке помимо детских кричалок не фиксируются. Вместе с тем, их можно сопоставить с элементом *татарина* в составе марийской считалки *Татары́на-Марина́, эя, бея, пух!* [Ключева 2014: 64]. Употребление *татарина* в сочетании с женским именем позволяет видеть здесь значение, близкое к предполагаемому в чувашской припевке: «красавица» — возможно, не без влияния (семантического и фонетического) марийск. *татá* «хороший, красивый, приятный». С другой стороны, в *татарина* угадывается этноним *татарин*. По фонетическому облику и акцентуации марийск. *татары́на* представляет промежуточное звено — предположительно, связующее — между *тетеры́на* чувашских кричалок и *татáрин*.

Нельзя исключать, что чуваш. *тетерина* (> *чеччерина*) вторично по отношению к *татарин*. Вокализм [а] вместо [е] в первых слогах может отражать гармонизацию гласных по третьему, ударному слогу (*a-a-u* > *e-e-u*). На чувашской почве могла произойти ресемантизация этнонима в макаронической кричалке типа *\*Киргин татарин* вследствие сближения с чуваш. *тетте* «игрушка», «красивый, яркий» (> *Тетерина, тетерина*) и далее — с другим созвучным словом позитивной оценки: *чечче* (> *Чечче, чечче, чеччерина*). Таким образом, мы предполагаем, что в Чувашии исходный зачин *\*Киргин татарин* (которому соответствуют и рассмотренные выше марийские зачины) развился, с одной стороны, в чувашское песенное *Тетерина, тетерина* и *Чечче, чечче, чеччерина*, с другой — в городское русскоязычное *Киргиз-татарин*.

Итак, на материале чувашских игровых зачинов и припевок (*киргиз-татарин, тетерина, чечче-чечче-чеччерина, ким чечек, кӗнчӗсӗм, кинчӗрсем*) в игре типа «цепи (кованые)» мы проследили процессы варьирования детских игровых кричалок в контексте де- и ресемантизации.

<sup>26</sup> Ж в удмуртской графике обозначает аффрикату [дж], й — гласный переднего ряда [и] без смягчения предшествующего согласного.

## 5. Заключение

Как показывают многочисленные примеры, диалоги в игре «цепи (кованные)» имеют в целом осмысленный характер. При этом выделяется своей асемантичностью ряд зачинов диалогов. Как мы показали, такие зачины, как *кингера* и *тилирам*, с большой вероятностью являются в русском языке заимствованными. При заимствовании первой реплики диалога она, как правило, утрачивает собственно коммуникативно-информативную функцию. Именно поэтому ее необходимо «дублировать» на родном языке. Ср. *Кингера! — Кого ера?*, где вторая реплика означает «Кого надо?» на русско-удмуртском макароническом языке.

Очевидно, что первая фраза, претерпев десемантизацию при переходе из языка в язык, приобретает иную функцию в игре — служит сигналом к началу собственно диалога и игрового действия. Возможно, именно особая роль зачина в игре как слова-сигнала способствует его заимствованию из других языков, так как десемантизированный, делексикализованный элемент лучше выполняет роль такого сигнала.

На примере ряда тюркских диалогов показана важность ритма (включая акцентуацию) и вокализма кричалок. При заимствовании зачинов на фоне десемантизации и ресемантизации ритм и вокалический «каркас», как правило, сохраняются.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аксаков 2014 — Аксаков С. Т. Воспоминания (Очерки). М.: Директ-Медиа, 2014. [Aksakov S. T. *Vospominaniia (Ocherki)* [Memoires (Essays)]. Moscow: Direkt-Media, 2014.]
- Ахметьянов 2001 — Ахметьянов Р. Г. Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Татар. книж. изд-во, 2001. [Akhmet'ianov R. G. *Tatar teleneng kyskacha tarikhii-etimologik siuzlege. Kratkii istoriko-etimologicheskii slovar' tatarskogo iazyka* [A short historical-etymological dictionary of the Tatar language]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001.]
- БРС — Ураксин З. Г. (ред.). Башкирско-русский словарь. Башкортса-русса һүзлек. М.: Дигора; Рус. яз., 1996. [Uraksin Z. G. (ed.). *Bashkirsko-russkii slovar'*. *Bashqortsa-russa hiuðlek* [A Bashkir-Russian dictionary]. Moscow: Digora; Russkii iazyk, 1996.]
- Бутанаев, Верник 1995 — Бутанаев В. Я., Верник А. А. Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии. Абакан: Чахаях, 1995. [Butanaev V. Ia., Vernik A. A. *Detskie igry i sportivnye sostizaniia narodov Khakasii* [Children's games and sport competitions of the peoples of Khakassia]. Abakan: Chakhaiakh, 1995.]
- Вершинин 2011 — Вершинин В. И. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева, 2011. [Vershinin V. I. *Slovar' mariiskikh govorov Tatarstana i Udmurtii* [A dictionary of Mari dialects of Tatarstan and Udmurtia]. Yoshkar-Ola: MarNIIfaLI im. V. M. Vasil'eva, 2011.]
- Грузов 1960 — Грузов Л. П. Современный марийский язык: Фонетика. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1960. [Gruzov L. P. *Sovremennyi mariiskii iazyk: Fonetika* [Modern Mari language: Phonetics]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960.]
- Грузов 1965 — Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1965. [Gruzov L. P. *Fonetika dialektov mariiskogo iazyka v istoricheskoe osveschenii* [Phonetics Mari dialects in historical interpretation]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965.]
- Грузов 1969 — Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1969. [Gruzov L. P. *Istoricheskaia grammatika mariiskogo iazyka: Vvedenie i fonetika* [Historical grammar of the Mari language: Introduction and phonetics]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969.]
- Долганова, Морозов 2002 — Долганова Л. Н., Морозов И. А. Игры и развлечения удмуртов. 2-е изд., доп. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2002. [Dolganova L. N., Morozov I. A. *Igry i razvlecheniia udmurtov* [Games and entertainments of Udmurts]. 2<sup>nd</sup> ed., enl. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UrO RAN, 2002.]
- ДТС — Наделяев В. М. и др. (ред.). Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. [Nadeliaev V. M. et al. (eds). *Drevnetiurkskii slovar'* [An Old Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969.]

- Дыбо, Норманская 2013 — Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2013. № 4. С. 7—40. [Dybo A. V., Normanskaia Ju. V. Periodization of Turkic loanwords in the Finno-Ugric languages. *Uralo-altaiskie issledovaniia*. 2013. No. 4. Pp. 7—40.]
- Иванов 1981 — Иванов И. Г. Марий диалектологий: Университетысе студент-влаклан тунемме книга. (Марийская диалектология. Учеб. пособие для студентов ун-та.) Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1981. [Ivanov I. G. *Mari dialektologii: Universitetse student-vlaklan tunemme kniga. Mariiskaia dialektologiia: Uchebnoe posobie dlia studentov universiteta* [Mari dialectology: A guide for university students]. Yoshkar-Ola: Mari State Univ., 1981.]
- Иванов, Тужаров 1971 — Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Вып. II. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1971. [Ivanov I. G., Tuzharov G. M. *Slovar' severo-zapadnogo narechiia mariiskogo iazyka* [A dictionary of the North-West dialect of the Mari language]. Issue II. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971.]
- Исанбаев 1989 — Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты: татарские и башкирские заимствования. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1989. [Isanbaev N. I. *Mariisko-tiurkskie iazykovye kontakty: tatarskie i bashkirskie zaïmstvovaniia* [Mari-Turkic language contacts: Tatar and Bashkir loanwords]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989.]
- Карпова 1998 — Карпова Л. Бесермяно-удмуртское взаимовлияние (на материале среднечепецкого региона) // *Linguistica Uralica*. 1998. № 2. С. 121—127. [Karpova L. Besermyan-Udmurt mutual influence (the case of the middle Cheptsia region). *Linguistica Uralica*. 1998. No. 2. Pp. 121—127.]
- Касимова 2012 — Касимова Д. Г. Чепецкие татары // Загребин А. Е. (науч. ред.). Удмуртская Республика: Историко-этнографические очерки. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2012. С. 178—180. [Kasimova D. G. The Cheptsia Tatars. *Udmurtskaia Respublika: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Udmurt Republic: Historical-ethnographic overviews]. Zagrebina A. E. (ed.). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UrO RAN, 2012. Pp. 178—180.]
- Ключева 2014 — Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сб. М.: Форум; Неолит, 2014. [Kliucheva M. A. *Narodnye podvizhnye detskie igry: sovremennyy fol'klorny sbornik* [Folk active children's games: Collection of modern folklore]. Moscow: Forum; Neolit, 2014.]
- Ключева 2015 — Ключева М. А. К этимологии названия марийской игры *митули* // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 37—59. [Kliucheva M. A. Towards the etymology of a Mari game *mituli*. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 4. Pp. 37—59.]
- Колпакова 1958 — Колпакова Н. П. Русская народная игровая песня // Астахова А. М. и др. (ред.). Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 69—91. [Kolpakova N. P. Russian folk play song. *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia* [The Russian folklore: Materials and researches]. Vol. 3. Astakhova A. M. et al. (eds.). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. Pp. 69—91.]
- КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. [Lytkin V. I., Guliaev E. S. *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Лаврентьева, Яковлева 2012 — Лаврентьева С. Г., Яковлева И. Ф. (авт.-сост.). Ача-пăча сасси: Чăваш ача-пăча юррисем. (Голос детворы: Чувашиские народные песни для детей). Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2012. [Lavrent'eva S. G., Yakovleva I. F. *Acha-păcha sassi: Chăvash acha-păcha iurrisem. Golos detvory: chuvashskie narodnye pesni dlia detei* [Children's voice: Chuvash folk songs for children]. Cheboksary: IPK "Chuvashia", 2012.]
- МРС — Васильев В. М., Учаев З. В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 2003. [Vasil'ev V. M., Uchaev Z. V. *Mariisko-russkii slovar'* [A Mari-Russian dictionary]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003.]
- Пислегин, Чураков 2012 — Пислегин Н. В., Чураков В. С. Татары Удмуртии: Исторический очерк // Загребин А. Е. (науч. ред.). Удмуртская Республика: Историко-этнографические очерки. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2012. С. 174—178. [Pislegin N. V., Churakov V. S. The Tatars of Udmurtia: A historical overview. *Udmurtskaia Respublika: Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Zagrebina A. E. (ed.). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UrO RAN, 2012. Pp. 174—178.]
- Романий 2013 — Романий Г. И. Формулы-восклицания в детских играх: прятки и «камень, ножницы, бумага» // Живая старина. 2013. № 4. С. 14—17. [Romanii G. I. Exclamation formulas in children's games: Hide-and-seek and rock-paper-scissors. *Zhivaia starina*. 2013. No. 4. Pp. 14—17.]
- Романий 2015 — Романий Г. И. Региональные городские названия детской игры типа «цепи» («бояре») (по наблюдениям узуса в Интернете) // Живая старина. 2015. № 2. С. 11—14. [Romanii G. I.

- Regional urban names for the children's game of "red rover" type ("boyars") (by examination of the online usage). *Zhivaia starina*. 2015. No. 2. Pp. 11—14.]
- СМЯ — Галкин И. С. (глав. ред.). Словарь марийского языка. Марий йылле мутер. В 10 т. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1990—2005. [Galkin I. S. (chief ed.). *Slovar' mariiskogo iazyka. Marii iylme muter* [A dictionary of the Mari language]. In 10 vols. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990—2005.] Available at: <http://marlamuter.com/muter/ru/>.
- СРНГ — Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. (ред.). Словарь русских народных говоров. М.; Л./СПб.: Наука, 1965—. [Filin F. P., Sorokoletov F. P. (eds.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of the Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad/St. Petersburg: Nauka, 1965—.]
- СЧЯ — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. В 17 т. Репр. изд. Чебоксары: Руссика, 1994—2000. [Ashmarin N. I. *Slovar' chuvashskogo iazyka. Chăvash sămakhĕsen kĕneki* [A dictionary of the Chuvash language]. In 17 vols. Reprint ed. Cheboksary: Russika, 1994—2000.]
- Топорков 1998 — Топорков А. Л. Заумь в детской поэзии // Белоусов А. Ф. (сост.). Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: Ладомир; АСТ, 1998. С. 578—604. [Toporkov A. L. Gibberish in children's poetry. *Russkii shkol'nyi fol'klor: Ot "vyzyvaniy" Pikovoi damy do semeinykh rasskazov*. Belousov A. F. (comp.). Moscow: Ladomir; AST, 1998. Pp. 578—604.]
- ТРС — Асылгараев Ш. Н., Ганиев Ф. А. и др. (ред.). Татарско-русский словарь. Татарча-русча сүзлек. В 2 т. Казань: Магариф, 2007. [Asylgaraev Sh. N., Ganiev F. A. et al. (eds.). *Tatarsko-russkii slovar' . Tatarcha-ruscha siuzlek* [A Tatar-Russian dictionary]. In 2 vols. Kazan: Magarif, 2007.]
- УРС — Душенкова Т. Р. и др. (сост.). Кириллова Л. Е. (отв. ред.). Удмуртско-русский словарь. Удмурт-зуч кыллокам. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2008. [Dushenkova T. R. et al. (comp.), Kirillova L. E. (ed.). *Udmurtsko-russkii slovar' . Udmurt-dzuch kylliukam* [An Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UrO RAN, 2008.] Available at: <http://dict.komikyv.ru/index.php/index/6.xhtml>.
- Федотов 1990 — Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. [Fedotov M. R. *Chuvashsko-mariiske iazykovye vzaimosvizi* [Chuvash-Mari language interrelationship]. Saransk: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. Saranskii filial, 1990.]
- Федотов 1998 — Федотов М. Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Тёне кёмен чăвашсен ячĕсем. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 1998. [Fedotov M. R. *Slovar' chuvashskikh nekhristianskikh lichnykh imen. Tĕne kĕmen chăvashsen iachĕsem* [A dictionary of the Chuvash non-Christian personal names]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 1998.] Available at: <http://ru.samah.chv.su/dict/3.html>.
- Христолюбова и др. 1993 — Христолюбова Л. С., Перевозчикова Т. Г., Долганова Л. Н. Традиционные праздники и развлечения // Пименов В. В. (ред.). Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1993. С. 209—223. [Khristoliubova L. S., Perevozchikova T. G., Dolganova L. N. Traditional holidays and entertainments. *Udmurty: Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Pimenov V. V. (ed.). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UrO RAN, 1993. Pp. 209—223.]
- ЧРС — Андреев И. А., Горшков А. Е., Иванов А. И. и др. (сост.), Скворцов М. И. (ред.). Чувашско-русский словарь. Чăвашла-вырăсла словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. [Andreev I. A., Gorshkov A. E., Ivanov A. I. et al. (comps.), Skvortsov M. I. (ed.). *Chuvashsko-russkii slovar' . Chăvashla-vyrăsla slovar'*  [A Chuvash-Russian dictionary]. 2<sup>nd</sup> edn., stereotype. Moscow: Russkii iazyk, 1985.] Available at: <http://samahsar.chuvash.org>.
- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1—. М.: Наука; Вост. лит., 1974—. [*Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov* [An etymological dictionary of the Turkic languages]. Vol. 1—. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 1974—.]
- Ягафаров 2002 — Ягафаров Р. Ф. Кабыргалы-камчылы. Татар халык уеннары. (Народные жемчужины: Татарские народные игры). Казань: Магариф, 2002. [Iagafarov R. F. *Kabyrgaly-kamchyly: Tatar khalyk uennary. Narodnye zhemchuzhiny: Tatarskie narodnye igry* [Folk pearls: Tatar folk games]. Kazan: Magarif, 2002.]